

УДК 145.6

В.В. Бурак

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ни одно сколько-нибудь значимое событие в экономике, политике, культуре не может быть адекватно понято без соотнесения его с процессами глобализации. Реализация культурных, экономических и политических стратегий в современном мире происходит в условиях жёсткой взаимозависимости и острейшей конкуренции, борьбой за экономическую, политическую и культурную власть в мировом масштабе. При этом непрерывно происходит производство, распределение и перераспределение властных функций в том числе и в культурной сфере. Конституирование, проектирование, конструирование и функционирование властных культурных стратегий на всех уровнях, необходимо рассматривать в контексте глобализации. *Актуальность* данной работы заключается в исследовании стратегий борьбы за власть в культурном поле глобализирующегося мира. *Проблема*, исследуемая в данной статье, предполагает анализ условий перехода от культуры базирующейся на традиционном мировоззрении и культурой фундированной постмодернистскими мировоззренческими инициативами. *Целью* статьи является обнаружение фундаментальных противоречий характерных для культурной ситуации сегодня в контексте углубляющихся процессов глобализации.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: РАЗНООБРАЗИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КАРКАСОВ

Одним из наиболее масштабных и резонансных явлений современности является совокупность событий и ожиданий, условно именуемых «глобализацией». Почему условно? Да по той причине, что далеко не все исследователи именуют процессы экономической, политической и культурной унификации, происходящие в планетарном масштабе, именно «глобализацией», предпочитая термины: «мировая интеграция», «интернационализация» и другие. Кроме того, тенденции аналогичные нынешним они отмечают и для предшествующих эпох (христианизация, Великие географические открытия, империализм конца XIX – начала XX веков и др.).

Однако нужно заметить вопреки всем критическим замечаниям по отношению к адекватности использования термина «глобализация», что несомненными чертами современности являются скорость взаимопроникновения труда и капитала, унификация технологий и культурных стереотипов. Поэтому, несмотря на противоречивые трактовки ключевого понятия, можно считать его вполне релевантным для описания всего множества синхронных событий происходящих в мире сегодня. Когда мы говорим о власти в планетарном масштабе, то неизбежно выходим на обсуждение такого многомерного процесса как глобализация.

Дискуссии о терминологическом и теоретическом статусе «глобализации» стали едва ли не главной темой экономических, политологических, социокультурных и философских исследований, форумов и конференций. Сотни книг и

тысячи статей посвящённых этой спорной и многоаспектной теме ежегодно выходят во всём мире. Однако, не все авторы отделяют «идею» глобализации от «реальности» глобализации. Учёные ищут тот исторический пункт, после прохождения, которого рефлексия относительно радикального ускорения продвижения денежных потоков, новейших технологий, обмена идеями и передвижением людей в планетарном масштабе стала необратимой.

Конечно, в рамках данной статьи не место обсуждать издержки связанные со всем многообразием термина «глобализация». Быть в центре страстных дискуссий - это неизбежная судьба всех популярных, слов и выражений. То же самое было с «постмодернизмом», с «дискурсом», «нарративом», «духовностью». Тем не менее, оказалось, что термин «глобализация» стал не только частотным на всех уровнях обсуждения: от академических изданий и международных конференций, до газетных статей и теленовостей.

Неизбежно возникает вопрос о приоритете дефиниций и концептуализации популярного понятия. Интересно, в этом отношении, мнение авторитетной группы исследователей, комплексно изучавших феномен глобализации. Согласно Хелду, Гольдблатту, Макгрю и Перратону: «Впервые это понятие появилось в работах французских и американских авторов в 60-е г. XX в., а сегодня вошло во все основные языки мира. Тем не менее, оно нуждается в точном определении. В самом деле, глобализация грозит опасностью превратиться в расхожее клише нашего времени (если этого ещё не случилось), стать расплывчатой идеей, которая охватывает всё – от мировых финансовых рынков до Интернета, - но которая мало что даёт для понимания современных условий человеческого существования» [1, с. 1]. Чтобы устранить этот «эффект смыслового расширения» рассмотрим ещё несколько точек зрения на вопрос о генеалогии понятия «глобализация».

Например, В. И. Иноземцев, утверждает, что: «...вплоть до 1987 года в базе данных библиотеки конгресса в Вашингтоне не содержится упоминаний о книгах, в названии которых использовалось бы понятие «глобализация» [2, с. 38]. Разумеется, оно употреблялось и имело место в книгах и статьях гораздо раньше. «В научный оборот его ввёл Р. Робертсон, впервые использовавший данный термин в 1983 г. В 1985 г. он дал его подробное толкование, а в 1992 г. изложил основы своей концепции в специальном исследовании» [2, с. 38].

Автор провокативной и парадоксальной монографии «Что такое глобализация?», вышедшей в Германии в 1997 году, Ульрих Бек, исследуя вопрос о приоритете использования терминологии связанных с глобальными изменениями в мире, ссылается на известного английского социолога Энтони Гидденса, который в 1998 году заметил, что ещё в 1988 году термин «глобализация» почти не присутствовал в научных дискуссиях, но десятилетие спустя это слово стало пожалуй самым модным во всех видах дискурса [3, р. 28]. Далее У. Бек показывает, как шведский исследователь Г. Терборн обнаруживает появление термина «глобализация» в академических работах в первой половине 90-х годов двадцатого века. В то же время Г. Терборн отмечает появление французского термина «мондиализация», близкий по смыслу понятию «глобализация» уже к началу 50- годов. [4, с. 283].

Возможно, под «мондиализацией» нужно понимать просто «планетарное измерение» какого-либо политического события, и прежде всего, такие его характеристики как «резонансность» и «дальнодействие». Концептуализация глобальных процессов при помощи термина «мондиализация» является первой попыткой мыслить отдельные события как элементы единого процесса. Но, разумеется, экономические и политические процессы в 50-е годы не равновелики тем процессам, которые стали проявлять себя в 90-е годы после «падения Берлинской стены», экспоненциального роста сотовой мобильной связи и Интернет (в 1989 году примерно 30 тыс. пользователей, а в 2002 году уже 689 млн. пользователей). Итак, «мондиализация» это первая попытка осмысления различного рода мирных экспансионистских проектов в XX веке.

Когда используется термин «глобализация» то мы имеем в виду совокупность экономических, политических, социальных и культурных действий, целью которых является максимализация воздействия «акторов» и «игроков» глобального процесса (англ. *global actor*, - деятель в глобальном масштабе, или, *global player* - участник глобальной игры).

Если же речь идёт «глобализме», то здесь нужно учитывать политический аспект, поскольку за глобализмом часто скрываются геополитические стратегии власти, обеспечиваемые определённой идеологией. Именно глобализм вызывает ответную реакцию в виде «антиглобализма». Все эти процессы, стратегии, контрстратегии планетарного масштаба заставили представителей различных академических дисциплин заняться феноменом глобализации.

КУЛЬТУРА, ВЛАСТЬ И ОСНОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Экономические и политические явления и тенденции, несмотря на их масштабность и значимость для сегодняшнего и завтрашнего дня, по большей мере исходной точкой имеют утилитарно-прагматические основания. Когда мы переходим к анализу культурных явлений, то разумеется мы не можем не учитывать также некоторой доли прагматизма, а также экономической и политической ангажированности культурных процессов (можно провести параллельное сравнение с ситуацией в мировом спорте, где зачастую трудно отделить игровой, медицинский, экономический и политический аспекты). Отсюда и соответствующая терминология: «культурная политика», «экономика культуры», «шоу - бизнес» и т.д. Чтобы понять механизм функционирования культуры в планетарном масштабе необходимо учесть радикальный сдвиг мировоззрения, произошедший в последние десятилетия. При этом, необходимо также понимать различия между традиционными формами культуры и современной культурой, которая по существу из маргинальной зоны выдвигается в «центр», оттесняя традиционную культуру в периферийную зону.

В доиндустриальную эпоху мировоззрение, лежащее в основании всех форм традиционной культуры, фундировало, базирующуюся на мифе и религии, целостную, устойчивую и консервативную, континуальную картину мира. Основными «несущими» конструктами этого мировоззрения были образы, метафоры, символы. Мифы и священное предание были все объясняющими

метанарративами не поддающимися рефлексии. Посредством ритуала культурные формы «внедрялись» в индивидуальное и массовое сознание, закреплялись в нём, и служили способом идентификации подлинности культурных событий, обеспечивая их «легитимность», устойчивость и «вечность».

В индустриальную эпоху (эпоху модерна) основными нарративами, фундирующими культурную деятельность, рецепцию культурных явлений и обеспечивающими культурную адаптацию индивидуумов, становятся различного рода идеологии, сконструированные уже на основе рациональных понятий. Если миф апеллирует к традиции, к далёкому прошлому, то, различного рода социальные теории ориентированы на далёкое будущее. Анархизм, социализм, коммунизм – футуристичны и антитрадиционалистичны. Но, также как и мифы предшествующей эпохи, они были направлены на то, чтобы формировать целостную, континуальную картину мира. Правда, в отличие от предшествующих нарративов, вместо устойчивости и консерватизма, идеологиям имманентна динамическая интенция, а, кроме того, они основаны на идее прогресса.

Что касается мировоззрения постиндустриальной эпохи, то, прежде всего, нужно отметить, что оно, конечно же, не претендует на континуальность и внутреннюю непротиворечивость. Несмотря на тенденцию к глобальной вестернизации мира, существуют различные сильные контрдвижения, которые условно можно обозначить как религиозно-фундаменталистские. Поскольку, тем не менее, наибольшим экономическим и научно-техническим потенциалом обладает именно западная версия глобализации, то учитывая формат данного исследования, обратимся к анализу мировоззренческих оснований именно постиндустриального мира. Коротко говоря, эпоха модерна, фундированная рациональностью, как в теории, так и в практической деятельности, завершилась к началу 60-х годов XX века, а к началу 70-х годов в западной Европе и Северной Америке стало шириться антимодернистское движение под собирательным именем «постмодерн».

ОТ МОДЕРНИСТСКОЙ КАРТИНЫ МИРА К ПОСТМОДЕРНИСТСКОМУ КОЛЛАЖУ: *THE WORLD-VIEW SHIFT*

Одним из знаковых явлений эпохи глобализации является феномен мультикультурализма. Это объясняется прежде всего сменой мировоззренческих координат, благодаря широкомасштабной интеллектуальной и организационной работе мыслителей – постмодернистов. Существенным мета-культурным событием последних десятилетий XX века в западном мире и на его периферии, несомненно оказалась смена мировоззренческих оснований, что в упрощённой форме выражается оппозицией “современность – постсовременность”, “модерн – постмодерн” или “модернизм – постмодернизм”. Сначала косвенно, а затем и по существу, дискуссия о мировоззренческих основаниях современной эпохи актуализировалась и в Украине.

Проблема политического, экономического, эстетического и этического выбора “между прошлым и будущим” стала краеугольным “философским камнем” духовной ситуации времени не только для философов, но и для общества в целом. В европейском обществе уже в течение четырёх последних десятилетий принципиально обсуждается конфликт между модернистским и постмодернистским

(постсовременным) мировоззрением. Очевидно смещение мировоззренческих координат, налицо сдвиг (*shift*), изменение общей диспозиции, передислокации интеллектуальных сил. Этот интеллектуальный/идеологический «перекрёсток» пока что «перепрыгнуть» никак не удаётся, ни «там», ни «тут».

Нужно отметить, что рефлексия по отношению к этому фундаментальному сдвигу в области мировоззренческих координат, существенно запоздала в отечественных академических философских исследованиях, как и на всём постсоветском пространстве. Если первые работы Ж. Бодрийара, Ж. Делёза, Ж. Дерриды, Ж.-Ф. Лиотара, Ги Дебора и др. посвящённые осмыслению радикальных изменений того, что происходит с обществом, культурой и человеком на Западе были опубликованы в конце 60-х гг., то переводы и комментарии к этим работам на славянских языках появились лишь в 90-х гг. XX века. Таким образом, как в технологическом и социальном, так и в рефлексивном и мировоззренческом плане отечественная мысль оказалась в ситуации «черепахи, пытающейся догнать Ахилла».

Ещё не дочитав до конца «классические» тексты постмодернистского круга, не подвергнув их критической рефлексии (к чему обязывает профессиональное кредо философа) появились многочисленные апологии и апологеты «постмодернизма». Вместо того, чтобы внимательно рассмотреть онтологические основания эпохального «смещения» (англ. *shift* 1) *изменение, перемещение, сдвиг; 2) смена, перемена, чередование*), внимательно исследовать условия и детерминацию перехода от «модерна» к «постмодерну», соотнести это с «местными» условиями, отечественные мыслители (разбираясь по принципу: «наши» - «ваши»; «за» и «против»; «позитивное» или «негативное» явление) разделились (как всегда) на две непродуктивные в эвристическом плане группы.

Одни из них, интеллектуальные «модники» и «модницы», начали «с придыханием» повторять малоосмысленные фразы, в которых загадочно-интригующе чередовались: «дискурс», «деконструкция», «постмодерн», «симулякр», «ризома», «психоанализ» и другие. Менялся порядок слов, указывая лишь на то, что употребляя эти таинственные (*enigma*) словосочетания, используя «эзотерический язык» (*arcane*) постмодернистов, «говорящие» на этом «птичьим языке», весьма «продвинуты» и приобщены к «новейшим» (т. е. «тридцатилетней свежести») идеям современной философии.

«Классические», «аутентичные» постмодернистские тексты достаточно просто идентифицировать. Они специально сконструированы как «пазл» (англ. *puzzle* 1) *вопрос, ставящий в тупик, головоломка, загадка, 2) игрушка, ребус, мозаика*), что с необходимостью ведёт к недоумению, интеллектуальному затруднению, фрустрации, растерянности и замешательству читателя.

В общем, «постмодернизм» и «всё, всё, всё» стали восприниматься как эдакая «модная штучка», как «пароль» эксклюзивного доступа к «философскому зазеркалью», как «пропуск» в «интеллектуальный спецбуфет». Философы-постмодернисты воспринимались точно так, как известные французские кутюрье (фр. *haute couture parisienne* — *первоклассные парижские модельеры*). Восприятие постмодернизма оказалось симметричным рецепции парижской моды (фр. *haute*

couture - высокая мода; англ. *fashion show*) в далёкой провинции. Было конечно же, много амбициозности, высокомерия и чванства (фр. *hauteur*, 1) *высота* 2) *высокомерие*).

Постсоветский философ-постмодернист это *man of fashion* (человек, во всем следующий моде). Сформировавшийся тип можно было бы обозначить как *haute/hauteur*. Адекватность восприятия нового культурного феномена и осмысление его явно отсутствовала.

Другая группа философов, консервативно настроенных мыслителей - *man to go out of fashion* (англ., выходит из моды, быть старомодным), также, в силу исторических обстоятельств, не вполне знакомых с ключевыми текстами постструктурализма-постмодернизма, повторяла избитые "истины": о "кризисе западной культуры", и опять же, в который раз, о "кризисе современной буржуазной философии". И эти, вторые, в принципе, заняли честную позицию, ведь лучше быть старомодным, чем "человеком без свойств", "чистой рецептивностью".

На самом деле, то, что многие, не различая и не вполне понимая, называют "постмодернизмом" достаточно разнородно, противоречиво и интеллектуально "диверсифицировано". Каждый, кто серьёзно желал разобраться с тем, что собой представляет «постмодернизм», каковы его принципы и стилеобразующая форма, должен бы сделать, прежде всего, различие между постмодерновой культурой (*postmodern culture*) и постмодернистской философией (*postmodernist theory*).

"Постмодернистская философия" – это рефлексия по отношению к тому, что происходило в некоторых западных странах в 50-е и 60-е годы (осмысление уроков фашизма, войны во Вьетнаме, молодёжные студенческие бунты в университетах Беркли и Сорбонне). Это прежде всего переосмысление реального опыта радикальной интеллигенции, социально-этических и эстетических экспериментов, включая сюда: "рок-революцию", "LSD-revolution", "сексуальную революцию", контркультуру (*counter-culture*), культуру андеграунда, и художественного авангарда (*underground culture*).

В отличие от советских и постсоветских философов, не знакомых с той реальностью, которая стала предметом анализа и "перечитывания-переписывания" французскими, а затем американскими философами. Так называемые "постмодернисты" философствовали *de profundis*, что называется, «из глубины» резиньации, болезненного разочарования в ценностях модерна: религии, политики, образования и самой философии.

«Там», «у них», был реальный *shift* (где основным значением этого английского понятия является - *изменение, перемещение, сдвиг, с последующим действием; to bring about, produce a shift in — производить, вносить изменения*). Был, прежде всего, обнаружен "объект" (*postmodernity, postmodern culture*), затем детально описан литераторами, и только позднее появилось его осмысление - *postmodernist theory*.

"Здесь", "у нас", мы скорее всего имели дело с другим смыслом английского термина. Когда рассматривается постмодернизм без онтологических оснований, то пишется "история болезни" в отсутствии "постмодернистского тела". Поэтому приходится "хитрить", говорить с многозначительными намёками. Кстати, одна из

коннотаций слова *shift* - *переодевание*; другая - "*сознательное введение в заблуждение*" (*make a shift* - *уловка, увертка, хитрость*).

Таким образом, случилось не осмысление и рефлексия над тем "что с ними происходит", "что с нами происходит", а производство некоего "псевдодискурса" - "псевдомимесиса". Состоялась "дистанционная псевдоэмпатия", вариант философской, "дистанционной любви/ненависти к дальнему".

Констатируем, что продолжающееся сосуществование ситуации модерна и постмодерна и рефлексия по отношению к данному положению дел незавершены. Мы одновременно имеем дело с "незавершённым модерном" и "незавершённым постмодерном". Сегодня *modernity* and *postmodernity* синхронны, а не диахронны. Тем не менее, можно сделать некоторый "эпистемологический эскиз" произошедшего смещения мировоззренческих оснований рубежа тысячелетий.

Модерн, современность, эпоха модерна (*modernity*) начало которой совпадает с возникновением эпохи Нового времени (*Modern age*) – является эпистемологическим топосом производства дискурсивных практик современного общества (*modern society*). Эта эпоха маркирована такими историческими событиями как: Просвещение, классическая механика, Французская буржуазная революция, появление национальных государств в Европе, индустриальная революция, классический капитализм, экспоненциальное развитие науки и техники, интенсивная урбанизация. Постепенно сформировался и специфический стиль мышления, фундирующий мировоззрение модернистского типа: рационализм, генерализирующие методы познания, научные классификации, принцип объективности истины, детерминизм, уверенность в прогрессивном развитии человечества, универсальность, уверенность в существовании общечеловеческих ценностей (аксиологический реализм), социальный утопизм.

Постсовременность, постмодерность (*postmodernity, postmodern culture*), и постмодернистская философия (*postmodern philosophy*) характеризуются: иррационализмом, экстравагантностью, методологической эклектикой, релятивизмом и плюрализмом, эпистемологической неуверенностью, организацией текста по типу коллажа, скепсисом по отношению к идее прогресса, уверенностью в том, что ценности детерминированы социально и индивидуально, акцентируется фрагментарность и мозаичность культур, обусловленных консьюмеризмом и вездесущностью масс-медиа.

Мы сегодня находимся в ситуации, когда нам навязывают идентификацию "буферного государства" и "культурной периферии", когда нужно ответить на вопрос о нашей самоидентичности и европейской идентичности (или какой-то иной). Проблема не может быть адекватно поставлена и проработана без анализа реального (или виртуального) сдвига (*shift*), *произошедшего/происходящего* в рамках западного мировоззрения.

Вероятно, было бы продуктивным не ставить вопрос радикальным образом: "Или – или?". Сегодня важно ответить на более сложные вопросы: Можно ли "сконструировать" мировоззрение, для решения практических задач? Как соотносятся: "мировоззрение" и "национальная идея"? Стоило бы обратиться к специальным фундаментальным трудам такого немецкого мыслителя,

фундаментально исследовавшего природу мировоззрения (*Weltanschauung*), как В. Дильтей. Нельзя обойти также вниманием результаты исследований ментальности французских мыслителей из “Школы Анналов” В методологическом отношении здесь, видимо, будет продуктивен интервальный подход, позволяющий учитывать многомерность сложных, многовекторных ситуаций.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: «ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ» ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Отчётливо выраженный антирационализм в эпистемологии, релятивизм в аксиологии, атеизм и гедонизм стали теми основными параметрами, которые оказали решающее влияние на формирование мировоззрения в странах так называемого постиндустриального мира. С одной стороны, принципы мультикультурализма и политкорректности – характерный признак современного цивилизованного мира. С другой стороны, скоростной трансфер культурного коммерческого продукта, не имеющего национальной идентификации, ведёт к демонтажу специфического культурно-исторического типа мировоззрения, размывает его границы, делает его мозаичным, эклектичным и, как следствие, аморфным и неустойчивым. Для более эффективного проведения глобализации такое пластичное, «гуттаперчивое», рекомбинированное мировоззрение наиболее желанный вариант. Поэтому, сохранение этно-культурной идентичности (предполагающее герметичность культуры) в условиях господства массовой коммерческой культуры является весьма проблематичной, поскольку постмодернистская открытость предполагает разомкнутость культурных горизонтов.

Главная опасность для культуры, на наш взгляд, происходит вследствие самообмана культурного сознания ангажированного мультикультуральной установкой. В эпоху глобального капитализма невозможен декларируемый постмодернистской философией мультикультурализм, как взаимное признание и автономность «больших» и «малых» культур, как и сам принцип ранжирования культур. Достаточно аргументировано разрушает иллюзию пропагандируемой мультикультуральной идиллии словенский философ Славој Жижек. Он задаётся полемическим вопросом: «Как в таком случае мир Капитала соотносится с формой национального государства в нашу эпоху глобального капитализма? Быть может, лучше всего эти отношения было бы назвать «автоколонизацией»: в условиях полного мультинационального обращения капитала мы перестаём иметь дело со стандартной оппозицией между капиталом и колонизированными странами; глобальная компания как бы перерезает пуповину, связывающую её со своей матерью-нацией, и относится к стране своего происхождения просто как к ещё одной территории, которую нужно колонизировать». [5, с.107-108]. Следовательно, мультикультурализм становится условием денационализации культур, поскольку «сильные» культурные субъекты - нежелательные конкуренты в условиях экономико-культурной колонизации. Мультикультурализм формально усиливает позиции культурных меньшинств, делая шансы на выживание в культурном поле «борьбы за существование» как будто бы равными для «больших» и «малых» культурных акторов. На деле, мультикультурализм ведёт к сегментированию культурного целого, ослабляя позиции этнических и национальных культур перед

лицом культурной унификации («голливудизации», «диснейлизации», «макдональдизации» и т.д.)

В настоящее время вектор культурно-экономических стратегий направлен таким образом, что воздействие, благодаря вездесущности СМИ оказывается непосредственно на сенсорику человека, и, опосредованно на его тело и «тело» самой культуры. Идут процессы унификации на уровне ментальных форм. Классический субъект с его рациональной установкой уже не востребован в качестве объекта приложения власти. То, что немецкие мыслители обозначают как *Weltanschauung*, «мировоззрение» (по-английски – *world of view, ideology, world outlook*) в современной французской традиции называется *ментальностью* (*mentalite*). Говоря упрощенно, ментальность это способ организации нашего опыта повседневности, содержание нашего обыденного сознания. В марксистской философии более адекватным переводом для термина «ментальность» было бы понятие «обыденное мировоззрение», а для корреляции с понятием «идеология» было бы понятие «теоретическое мировоззрение». Таким образом, нынешняя опасность размывания традиционных культурных форм происходит не из идеологических и политических источников, но посредством лавинообразных процессов консьюмеризации, через работу структур повседневности.

Выводы. Исследование стратегий борьбы за власть в культурном поле глобализирующегося мира должно базироваться на анализе прежде всего политико-экономических процессов. Это предполагает рассмотрение условий перехода от культуры базирующейся на традиционном мировоззрении к культурным формам, продуцируемым постмодернистскими мировоззренческими инициативами. Это и приводит к обнаружению фундаментальных противоречий характерных для культурной ситуации в контексте углубляющихся процессов глобализации.

Список литературы

1. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004.
2. Иноземцев В. Л. Глобализация – наивная мечта XX века // Человек. – 2003, №5.- 38 – 44.
3. Giddens A. The third way. The renewal of social democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.
4. Бек У. Что такое глобализация? - М: Прогресс – Традиция, - 2001.
5. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм./Пер. с англ. А. Смирнова. – СПб.: Алетейа, 2005.

Поступило в редакцию 18.02.2005